НАША ИСТОРИЯ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИХАИЛА КОСТИНА

ТРЕВОЖНАЯ МОЛОДОСТЬ

В феврале 1921 г. в Ишимском уезде Тюменской губернии вспыхнуло восстание, которое вскоре охватило огромные пространства Западной Сибири, включая и Курганский уезд Челябинской губернии. Долгое время это масштабное протестное выступление характеризовалось как эсеро-кулацкое восстание, кулацкий мятеж. Сегодня наше представление о нем значительно расширилось, прежде всего, благодаря изучению и публикации большого числа документов. Вот почему прежний взгляд, старая оценка восстания 1921 г. представляются теперь односторонними, одномерными и не отражающими всю сложность происходивших тогда трагических событий. Очевидно, что по составу участников восстание не являлось исключительно кулацким, что оно вовлекло в протест и менее зажиточные слои сибирской деревни, поэтому, согласно современной оценке, оно признается по своей сути крестьянским восстанием.

Возмущение крестьян острием своим было направлено против проводившейся большевистским правительством политики «военного коммунизма» и в особенности против продразверстки, за свободную торговлю на рынке. И если в разгар гражданской войны эта политика еще находила оправдание, то на завершающем этапе войны она начала подрывать Советское государство изнутри. Поначалу крестьянство в массе своей не оказывало сопротивления, даже готово было выполнять хлебную и иную продразверстку, помогая Советской власти и Красной Армии. Но чем дальше, тем больше возрастал объем взимавшейся продразверстки, становясь непосильным для большинства крестьян. К этому добавлялись нередко грубые, насильственные методы, с помощью которых изымались не только излишки, но и необходимое для пропитания и посева продовольствие и зерно. В результате недовольными действиями властей и продработников оказались не только представители сельской буржуазии (кулачества), но и значительная часть трудового крестьянства, середняков, процент которых был особенно большим в Сибири.

За советский период накопилось немало воспоминаний о событиях 1921 г. Их особенность заключается в том, что все они принадлежат представителям одной противоборствующей стороны – тем, кто пострадал от действий восставших и тем, кто боролся с ними, участвовал в подавлении восстания. В большинстве своем это были члены правящей Коммунистической партии (большевиков), работники советского аппарата управления, члены ревкомов, комсомольцы и др. Не являются исключением и воспоминания М.И.Костина, с частью которых наши читатели теперь познакомятся.

На снимке: Костин М.И.
Фото из архива Архипова В.А., 1978 г.

Уроженец Шмаковской волости, Михаил Иванович в конце 1919 г. вступил в числе первых в ряды молодежной коммунистической организации – комсомола, а в начале 1920 г. юный паренек уже стал секретарем Шмаковской комсомольской ячейки. Свои воспоминания он написал в 1968 г. к 50-летнему юбилею комсомола. Тогда он, инженер и руководитель одного из отделов в Госстрое РСФСР, уже проживал в Москве.

В воспоминаниях Костина описаны впечатляющие случаи жестоких и зачастую зверских расправ восставших с коммунистами, советскими работниками, активистами, комсомольцами. Но нельзя забывать, что ответные меры по подавлению восстания были не менее жестокими. Такова беспощадная логика гражданской войны, последним актом которой явились крестьянские восстания 1920-1921 гг. Лишь провозглашение новой экономической политики, отказ от продразверстки затушили огонь массового крестьянского гнева. Ряды восставших редели, чему способствовала и объявленная Советской властью амнистия. Оставались отдельные группы и отряды непримиримых, прятавшиеся по лесам и совершавшие кровавые набеги. Однако, лишившись массовой поддержки крестьян, они выродились в бандитские группировки, чья участь была предрешена.

Конечно, Михаил Иванович не вскрыл глубинных причин восстания. Но ценность его воспоминаний содержится в том, что он постарался точно, подробно и честно описать события 90-летней давности, в которых участвовал сам либо со слов других участников и очевидцев. Ему удалось передать и донести до нас, потомков, тревожную и суровую атмосферу его молодости.

Н. ТОЛСТЫХ.

К началу 1921 г. комсомольские организации в наших местах окрепли и окончательно оформились. Они являлись ближайшими помощниками ячеек партии и ревкомов. Многие из старших по возрасту комсомольцев вступили в партию.

Так было до февраля, но в феврале на нас нагрянула беда.

Вечером 8 февраля, как обычно, в школе шла репетиция пьесы. В школе были все учителя и директор школы Геннадий Кузьмич Рудый, душа нашей молодежи, беспартийный коммунист, очень активный, постоянный участник наших спектаклей Василий Поворознюк. Он близко стоял и к нашей ячейке.

Утром 9 февраля по дороге в школу я зашел на почту узнать, нет ли писем. Завпочтой Маркел Степанович Голяков и один наш мужичок из зажиточных обсуждали вопрос о каком-то перевороте, происшедшем ночью на селе. Говорили о том, что пришел отряд вооруженных мужиков, арестовали коммунистов и установили Советскую власть, только без коммунистов.

Услышав их разговор, я сказал, что это, наверное, какие-нибудь бандиты. Самого меня это известие сильно озадачило. Чтобы это могло быть? Ведь не было никаких слухов. Оружия в селе ни у кого, кроме милиции, не было.

Я вернулся домой поделиться новостью с матерью и посоветоваться, как быть. У нас в это время была соседка, которая рассказала о некоторых подробностях переворота в селе. Часа в два ночи на санях и верхом на лошадях приехало человек 50 вооруженных мужиков, которыми командовал какой-то военный. Они быстро захватили ревком. Затем, разбившись группами, стали налетать на дома и арестовывать коммунистов и ответственных работников ревкома. Милиционер коммунист Трушников оказал вооруженное сопротивление и не был схвачен. Ему удалось бежать. Новый председатель ревкома Степан Бузулуков пытался спастись бегством, но в соседней деревне был схвачен бандитами. Секретарь ревкома Мокроусов выскочил из окна в одном белье в трескучий мороз, убежал за три км. в соседнюю деревню, где тоже был схвачен бандитами и обмороженный доставлен в Шмаково. Никого из комсомольцев бандиты не тронули.

(Продолжение в следующем номере)

НАША ИСТОРИЯ

ТРЕВОЖНАЯ МОЛОДОСТЬ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИХАИЛА КОСТИНА

(Продолжение. Начало в № 11)

Я решил пойти в школу в надежде на то, что к вечеру бандитов погонят. Во дворе школы толпилось много ребят – моих товарищей и стояли два бородача с охотничьими ружьями. Как только я подошел к калитке школьной ограды, бородачи бросились ко мне и скомандовали: «Руки вверх!» Я поднял руки, в одной из них была сумка с книжками. Бандит вышиб эту сумку из руки и стал обыскивать меня. Затем мне приказали идти вперед. Почти все ученики школы стояли, присмирев и наблюдая за этой сценой. Видел ее и наш Геннадий Кузьмич.

Я шел по улице заснеженного села, а за мной шагали два мужика с ружьями. На улице было много мужиков, баб и ребятишек. Они с удивлением смотрели на нас. Так прошли всю улицу от школы до волревкома. Одну из комнат волревкома бандиты превратили в камеру для заключенных. Вот в эту комнату втолкнули и меня. Тут я увидел почти всех коммунистов нашей партийной ячейки. Некоторые из них были сильно избиты. Здесь я увидел и коммунаров во главе с их председателем, отцом Артюшки Аникина. Коммуна была создана год назад недалеко от села. Коммунаров было больше десяти семей. Народ дружный подобрался, честный, работящий. Они готовились с весны начать большие дела, но вот…

Артемий мне рассказал, как налетели на коммуну бандиты, как всех взрослых мужчин арестовали, а женщин и детей выгнали из домов. Имущество и скот забрали, а дома и постройки сожгли. Мы сидели на полу и тихо разговаривали между собой. Никто не знал, что за восстание произошло, откуда появились вооруженные мужики, кто ими командовал. Думали, что это явление местное, через несколько часов появятся красноармейцы из Кургана и будет восстановлен прежний порядок. Лишь позднее выяснилось, что это было не так, что в одну ночь восстанием было охвачено несколько уездов.

Арестованными, наконец, была заполнена вся комната. Трудно было дышать. От духоты разболелись головы. Сначала хотелось пить, а потом есть. Однако ни того, ни другого нам не давали.

Вечером начали по одному вызывать коммунистов и членов коммуны, и они уже больше к нам не возвращались. Это сильно встревожило остальных. Время тянулось медленно, неизвестность сильно тяготила. К полуночи все коммунисты и коммунары были уведены из нашей комнаты. Осталось только четверо комсомольцев. О судьбе остальных товарищей нам ничего не было известно.

Часов в два ночи вызвали меня.

На снимке: Костин-комсомолец. Фото из архива.

Привели в комнату, где раньше сидел председатель ревкома. Смотрю и глазам своим не верю… На председательском месте сидит Васька Поворознюк. Он допрашивает арестованных, а двое неизвестных что-то записывают в тетрадки. Разговор со мной был коротким – он знал всех нас, комсомольцев, очень хорошо. Указывая на меня, Поворознюк сказал: «Это их комсомольский вожак», и, обращаясь ко мне, спросил: «А ты, может, уже вступил в партию, я ведь знаю, что тебя хотели записать?..»

Я ничего не ответил. Он был сам на том партийном собрании, где Егор Васильевич (*Шмаков, - секретарь Шмаковской партийной ячейки Н.Т.*) спрашивал ребят: «А не пора ли и вам вступать в партию?» Мне шел шестнадцатый год, и было лестно быть в одной партии с этими мужественными, умными людьми, но я тогда еще не решился этого сделать.

Перед утром товарища моего Володьку Мокроусова и девушку-комсомолку выпустили, а нас с Аникиным перевели в маленькую темную комнату, бывшую «каталажку» волостного правления.

Утром мать принесла хлеба и молока, и мы с Артюшкой немного поели.

Через сутки выпустили Артюшку и я остался в камере один. Было страшно, тоскливо и холодно.

Я все ждал избавления, но его не было, хотя прошло три дня. По шуму в коридоре и разговорам я понял, что бандиты собрали волостной съезд и на нем избрали новый состав совета.

К концу третьего дня меня снова вызвали, но на этот раз уже к председателю совета, знакомому крестьянину-середняку из соседней деревни. Он не был против Советской власти, но… «раз мир выбрал, надо править». Он мне сказал, что по ходатайству учителей и учеников школы выпускает меня на поруки.

Ног не чуя под собой, я мчался домой. По пути забежал на квартиру к Геннадию Кузьмичу поблагодарить его. Мой учитель, прикрыв плотнее дверь, сказал, что надо немедленно бежать.

Но куда бежать, где конец этому бандитскому царству? Никто этого не знал. Сами бандиты говорили, что ими захвачена вся Россия. Получалось так, что бежать было некуда. Надо было решать, что делать.

Поздно вечером ко мне зашли школьные товарищи и двое комсомольцев. Сидели долго, обсуждали обстановку и думали, что следует предпринять. Порешили на том, что надо покидать село и поодиночке направляться в Курган. В то, что Курган занят бандитами, мы не верили. Однако план этот осуществить не удалось. Кто-то успел донести, и через сутки ночью меня взяли на квартире и снова запрятали, но уже на этот раз на более длительное время.

Был у нас в селе большой каменный магазин*, принадлежавший местному торговцу Жидкову. Под магазином был глубокий бетонированный подвал. Магазин и подвал были мне хорошо знакомы с 1919 года, когда перед приходом красных мне пришлось работать у Жидкова. В этот подвал втолкнули меня и захлопнули дверь.

Через минуту спросили, кто пришел. Я назвал себя. Из комсомольцев здесь я оказался первым. Но это было недолго, к утру привели еще нескольких комсомольцев и в их числе П. Маслова и А. Аникина. Через несколько дней почти вся ячейка, за исключением девушек, была в сборе. Ребята, арестованные позднее, рассказали, что, по слухам, идут бои, бандитов стали зажимать в кольцо регулярные части Красной Армии, прибывшие на подавление восстания, и вновь создаваемые из коммунистов и комсомольцев части особого назначения (ЧОН). Эти части уже недалеко, и бандиты поговаривают об эвакуации.

(Продолжение следует).

НАША ИСТОРИЯ

ТРЕВОЖНАЯ МОЛОДОСТЬ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИХАИЛА КОСТИНА

(Продолжение. Начало в № 11,12)

Это известие нас обрадовало, но и вызвало тревогу. А что будет с нами? Эта мысль не покидала нас ни на минуту. Наверное, убьют, думал я. Вероятно, то же самое думали и мои товарищи. Конечно, умирать никому не хотелось. Мы ведь еще так мало жили. Положение наше было тяжелым. На дворе стояли сильные морозы. Никакого отопления в подвале не было. Одежда у нас была плохая, и мы сильно мерзли. Чтобы согреться, теснее прижимались друг к другу. У нас не было ни спичек, ни часов. Мы не знали, что происходит на улице, день там или ночь. Изредка сквозь щели приоткрытой двери просовывали нам узелок съестного, принесенного родными, но в нем, как правило, был только хлеб, а в бутылках вместо молока вода. Остальное продовольствие бандиты съедали сами. На наши жалобы сторож осипшим голосом однажды буркнул:

- Какая разница вам, от чего подохнуть – с голодухи или от мужицкой пики. Не к чему вас, чертей, откармливать.

Мы понимали, что если не поспеет помощь – наша песенка спета. В конце февраля от нас увели всех коммунистов, и они уже не вернулись. Оставались одни умирающие с голоду и замерзающие комсомольцы. Мы не могли прыгать, чтобы согреться от холода, а только лежали, близко прижавшись друг к другу.

Сначала, кроме холода, мучил сильно голод, а потом и это чувство стало пропадать. Нам перестали давать еду. Сколько времени прошло, не знаем, но вот однажды мы услышали какой-то шум у двери. Потом она открылась, и послышался голос: «Ребята, вы живы?»

Чтобы это могло быть? Мы находились в полузабытье, но внутренне почувствовали, что это пришла не смерть, а наше спасение. Сами мы двигаться не могли и нас вывели из подвала. Был яркий солнечный день, а мы ничего не видели, нас просто ослепило. В глазах лишь мелькнули красные звездочки на красноармейских папахах. В каком-то тумане поплыли силуэты наших родных. Нужно было видеть в этот момент наших бедных матерей, чтобы понять и оценить их состояние. Что они пережили за прошедшие долгие дни и ночи? Оказывается, что наступил март месяц. Село было освобождено регулярной воинской частью. Боя не было, так как бандиты поспешно бежали. Мужик с охотничьим ружьем, карауливший нас, сидел до прихода красноармейцев. Он дремал, не обращая внимания на уличный шум, и проспал бегство своих собратьев по оружию. Проснулся в тот момент, когда красноармеец выдернул у него берданку.

Около магазина собралось много народа. Пришли и наши девчата. Многие женщины плакали.

Трудно передать эту сцену, но у меня и у других товарищей, участников и свидетелей, она останется до последних дней жизни. Такие моменты надо пережить, чтобы почувствовать. Если бы мы не были так слабы, мы просто перецеловали бы всех, кто собрался в этот момент во дворе, и в первую очередь, конечно, наших спасителей-красноармейцев. Да и они с нами обращались, как с малыми детьми, готовы были нести нас на руках.

В этот же день вечером, после того как нас отмыли, одели в чистое белье и рубахи, немножко накормили, ко мне зашел на квартиру комиссар батальона. Он крепко обнял меня и поцеловал. Мы сидели долго - комиссар, моя мама и я. Комиссар рассказал, что бандиты повсюду бегут, устилая свой путь телами зверски убитых коммунистов, что нас они не успели вывезти в глубь восставших районов потому, что батальон за сутки сделал почти пятидесятиверстный переход и захватил село внезапно. Батальон без отдыха двигается по пятам убегающих бандитских частей, не давая им опомниться. Бандиты создали свои воинские подразделения, полки и дивизии. Во главе их стоят бывшие офицеры царской армии. Оружие они откуда-то получили, а отчасти делают в своих мастерских. Даже в нашей профтехшколе все эти дни и ночи ковали пики. У населения отобрали все огнестрельное оружие. Комиссар спросил меня, кто активно помогал бандитам. Тех, кого я знал, я назвал. Но я знал мало, а вот мать знала гораздо больше. Многие из участников ушли с отступившими бандитскими отрядами. Ушел и Поровознюк.

После продолжительного отдыха батальон ушел дальше, оставив в селе небольшой отряд.

Бандиты уничтожили все. В селе не осталось ни одного коммуниста, их всех увезли. Разграбленными оказались Совет и кооператив. Уничтожена коммуна.

Комсомольская ячейка осталась без партийного руководства. Надо было начинать все заново: организовать партячейку, собирать Совет, доставать имущество. А что делать с разрушенной коммуной? Семьи коммунаров остались без крова и пищи и ютились у родных или у знакомых.

Население было сильно запугано и не знало на первых порах, как поступать. Многие боялись, а вдруг снова вернутся «мужики». Все эти и другие нерешенные вопросы легли на плечи комсомольцев.

Однако правота ленинского дела побеждала все. Победила и колебания некоторой части наших односельчан. Большинство населения стало помогать нам. Вскоре появился единственный, спасшийся в ту страшную февральскую ночь, когда нагрянули бандиты, коммунист Трушников. Мы сразу ожили. Было с кем посоветоваться, был человек, который мог нами руководить в этот тяжелый момент.

Трушникова мы очень любили за его кипучую энергию и практичность. У него как-то все спорилось в руках. Любое дело он делал быстро и хорошо. Население его тоже очень уважало.

Собрались мы вскоре все, комсомольцы и красноармейцы, на собрание. Решили обсудить, что нам делать дальше. Собрание было коротким. Решили создать отряд ЧОНа. Послали представителя в Курган и скоро нам привезли винтовки, патроны, гранаты, револьверы и даже шашки. Каждый чоновец получил винтовку и патроны. Начальником отряда был назначен Волосников, бывший военный, недавно подавший заявление о приеме в партию. Трушников вместе с товарищами, приехавшими из Курганского укома партии, начал организовывать новую партячейку и собирать волостной съезд для выборов Совета.

(Продолжение следует)

НАША ИСТОРИЯ

ТРЕВОЖНАЯ МОЛОДОСТЬ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИХАИЛА КОСТИНА

(Продолжение.Нач. в № 11,12,13)

Троих комсомольцев послали на розыски увезенных коммунистов. Однажды под вечер мы приехали в село Верх-Суерское. Вид у нас был «боевой»- красные галифе, козлиные полушубки и козлиные высокие папахи с красной лентой наискосок.

У меня на боку был револьвер в кобуре, а на плече трехлинейная кавалерийская винтовка. У Маслова и Аникина - винтовки и гранаты. С оружием мы себя чувствовали геройски.

Подъехали к зданию Совета, битком набитого вооруженными чоновцами и красноармейцами. Они сидели и лежали не только на стульях и столах, но и на полу по всем комнатам и даже в коридоре.

С трудом удалось пробраться сквозь эту толпу в комнату, где должен был быть председатель Совета.

Председателем, к нашему удивлению, оказалась миловидная девушка с голубыми глазами и белокурыми локонами, выбивающимися из-под такой же, как у нас, козлиной папахи. Около стола, за которым она сидела, стояла винтовка, а перед ней на столе лежал наган.

Узнав о цели нашего приезда и кто мы, она встала из-за стола и поздоровалась с нами, отрекомендовавшись Лелей Худышкиной.

Вечером мы долго сидели с Лелей в Совете. Я узнал, что она учительница, что ей восемнадцать лет, что училась в гимназии, а вот теперь увлекается этой «бузой» и хочет показать бородачам, «как жарят орехи». Она рассказала, как сама расстреливала бандитов. Власти в этот момент никакой не было, и она смело уселась за председательский стол и стала командовать.

Утром следующего дня начались розыски. Верх-Суерское было одним из районов, являющихся последней опорой организованного сопротивления бандитских частей. В эти районы сбежался актив восстания, наиболее озверелые и оголтелые представители. Сюда же были из других волостей приведены и привезены их жертвы - пленные коммунисты и комсомольцы. Дальше двигаться было некуда, кольцо все сжималось. Надвигалась расплата. Бандитам приходилось думать о своих шкурах, и тогда они совершили свое гнусное дело - уничтожили всех пленных. Их кололи пиками, рубили им головы шашками и топорами, увечили их, как могли, топили в прорубях и колодцах. Тысячи лучших людей сел и деревень, передовая часть крестьянства и интеллигенции стали жертвами бандитского террора.

Глазам представилось страшное зрелище - тысячи человеческих трупов уложены в поленницы, как кладут дрова, и тянулась эта человеческая поленница на сотни метров в длину. У них были размозжены головы, у других выколоты глаза и разбиты челюсти, у кого вспороли животы. Много трупов обгорелых, видимо, их хотели сжечь, но не успели или не хотели возиться.

Это была наглядная азбука классовой борьбы, кровавой, беспощадной.

Поиски продолжались долго. Сюда съехалось много мужчин и женщин из разных волостей. Они ходили целыми днями, искали, расталкивали мертвые тела в стороны из поленниц, доставая их из прорубей и колодцев.

Только на третий день была найдена наша группа. Все коммунисты были заколоты пиками или штыками. Наш партийный актив во главе с председателем Совета Степаном Бузулуковым был уничтожен. Среди убитых не было только Егора Васильевича Шмакова. Незадолго до восстания командировал его Уком партии на продразверстку в соседнюю волость. Позднее мы узнали и о нем.

Поймали его бандиты, долго мучили, а затем вспороли живот, выбросили внутренности, а вместо них насыпали мякины, воткнули в живот штык с фанеркой, на которой было намалевано: «Вот тебе, гад, продразверстка».

Нам дали подводы, на которые были уложены мертвые тела товарищей, и процессия двинулась обратно в свое село.

Весь день наш печальный обоз двигался по заснеженной дороге. По сторонам ее стояли вековые сибирские сосны. В лесу было тихо, и только раздавался скрип полозьев да пофыркивание лошадей. Тринадцать мертвых коммунистов возвращались домой. Совсем недавно ночью их везли по этой же дороге, и думалось им, вероятно, что удастся вырваться, снова все наладить, построить новую коммуну, строить новую жизнь.

В село въезжали в сумерках. Как только нас узнали, сразу же со всех сторон стали сбегаться мужчины, женщины и дети.

Родные арестованных до сих пор на что-то надеялись, считали, что, может быть, их мужья и кормильцы вернутся живыми. Однако надеждам не суждено было сбыться. Траурный поезд подошел к школе.

Через день их хоронили на сельской площади в братской могиле. Речи были короткими, а когда запели траурную песню и стали опускать тела в могилу, отряд произвел оружейный залп. Затем над могилой насыпали большой холм земли, вкопали столб с красной звездочкой и приколотили к нему дощечку с именами погибших.

Напряженной жизнью зажило село. С большим трудом удалось привлечь в партию новых людей. Все ведь были очень напуганы и потрясены недавними событиями и особенно гибелью своих односельчан. Было известно, что многие бандиты, вырвавшись из окружения, ушли в леса и, разбившись на отряды, устраивали налеты на села и деревни. Они убивали коммунистов, комсомольцев и активистов, грабили кооперативы, школы и крестьян, сжигали здания Советов. Бандиты стали все чаще забирать у крестьян хлеб и угонять скот, забирать лошадей. Из-за этого приверженцев у них в деревнях становилось все меньше и меньше, но они все-таки были. У бандитов осталось в деревнях много родных и друзей, от которых они получали необходимые сведения и помощь.

Работать стало трудно и опасно. А тут еще весной ушел от нас отряд красноармейцев, и остались мы одни.

Винтовки и гранаты были нашими постоянными спутниками. Коммунисты-крестьяне работали в поле с винтовками за спиной. Служащие держали винтовки около своих столов. С винтовками мы не разлучались ни днем, ни ночью.

Тревожные вести доходили до нас из разных мест. Налеты бандитов продолжались. Одна за другой гибли местные ячейки коммунистов. Силы были слишком неравные, особенно из-за внезапности налетов. Часто коммунистов и комсомольцев убивали поодиночке на полях или дорогах, из-за угла.

Тогда было решено свести разрозненные чоновские отряды в воинские подразделения. Наш отряд был включен во второй Челябинский полк особого назначения, в коммунистическую роту Семенова. Чоновцы были зачислены на казенный паек и стали получать необходимое вооружение и обмундирование.

В это время у нас, как и в Поволжье, начался сильный голод. Много полей было не засеяно, а то, что было посеяно - погибло из-за засухи. Ни одного дождя не было за всю весну и лето. Все посохло. Беднота и батраки вынуждены были питаться корнями озерной травы и разными суррогатами. В связи с голодом начались эпидемические болезни.

Тиф косил людей, и больным трудно было оказать какую-либо помощь из-за отсутствия медикаментов. В некоторых деревнях началась холера.

Публикацию подготовил Н. ТОЛСТЫХ.

От редакции:

На этом воспоминания М.И.Костина не заканчиваются. Редакция намерена продолжить их публикацию в текущем году. Читайте «Варгашинку»!